

Десять лет уже, как нет с нами Туфана-ага Миннуллина, нашего народного писателя, лауреата государственных премий, депутата и Татарстана, и в своё время России, первого президента Татарского центра Международного ПЕН-клуба – организации, которая вывела татарскую литературу на широкую международную арену. Туфану Абдулловичу благодарен своим рождением и «Казанский альманах». Он был членом редколлегии издания, постоянным его автором и вдохновителем. Но особо хочется подчеркнуть прямоту и несгибаемость характера писателя по имени Туфан. Он и в самом деле был, как тайфун, рокот его голоса слышался издали, его выступления, высказывания всегда несли в себе правду, откровенность и чистоту помыслов. Сегодня мы печатаем рассказ «Отец» Туфана Миннуллина. Вот, оказывается, откуда характер одного из исторических лидеров татарского народа!

*Туфан
Миннуллин*

ОТЕЦ

рассказ

Я.

Я РОС в очень интересной семье. Отец и мать были полной противоположностью друг другу, что по характеру, что по образованию. Я не совсем верю в причину некоторых разводов – не сошлись, мол, характерами. Если так, то мои родители и часу не прожили бы вместе. А они бок о бок провели сорок пять лет и...

Нет, расскажу-ка о каждом по отдельности.

Отец родился в Казани. Дед в своё время покинул наши родные края, устроился работать на пороховой завод, разместившийся в Ягодной слободе. По документам отец 1903 года рождения. Но если взять во внимание слова двоюродной, ныне покойной сестры отца Зулехи-апа, то он родился, скорее всего, в 1901 году. Она говорила: «В «митрике» неправильно записано».

«Я ходил в школу учителя Гафура», – рассказывал отец. И гордился, что учитель Гафур – это и есть знаменитый Гафур Кулахметов. С особым чувством говорил, как в школу в те времена приходил Габдулла Тукай и одному ученику, хорошо учившемуся, подарил ичиги. Он рассказывал так, будто те сафьяновые сапоги сам получил. Не умел отец врать. А то в своём рассказе мог бы подарок от Габдуллы Тукая и себе приписать. Нас же там не было, и мы ничего не могли видеть.

Сколько отец учился в этой школе, не знаю. Не больше трёх-четырёх лет, наверное. Но этих знаний ему хватило на всю жизнь. И по-русски он хорошо знал. И по-арабски для него читать-писать – что воды испить. Только вот не знаю, как он ему научился. Не помню, чтобы рассказывал нам.

Если в деревне кому-то нужно было написать по-русски какое-нибудь заявление или прошение, то всё это делал отец. Даже когда в деревне появились выпускники десятилеток, деревенский люд, не доверяя им, по-прежнему со своими бумажками шёл к отцу. «У Габдуллы рука лёгкая, – говорили сельчане, – он пишет начальству просто и понятно».

Помню, как он писал ходатайство о назначении пенсии дедушке Зигангиру, который пятьдесят лет пас общественное стадо. Помню, как Зигангир-бабай сидел у нас дома за столом, благодарил отца за первые полученные пенсионные деньги и плакал.

К отцу приходили с просьбой сделать перевод религиозных книг, написанных на арабском языке. Просили почитать. Отец их не читал. К религии он относился с некоторым равнодушием: не развенчивал Аллаха, не хулил его, как воинственные атеисты, но и не заискивал в трудные моменты жизни, не просил ни о чём коленопреклонённо.

Когда мы спрашивали его, есть ли Аллах на самом деле, отец отшучивался: «Подрастёте – сами всё поймёте». А на вопрос: «Есть ли нечистая сила?» в ответ лишь кивал на козу, бродящую по двору, не любил он почему-то коз.

Не задерживался отец в местах, где читались молитвы. Мама говорила ему, уже состарившемуся: «Иди, пообщайся с аксакалами». И вот он разок сходил, когда ему перевалило за семьдесят. Пошёл к дому Гарифуллы-абый, где собирались старики, и совершали намаз. Вернулся и, посмеиваясь, сказал: «Как хотят, так и вертят арабскими словами. Вместо того чтобы произнести фразу за

здравие, читают за упокой. Если б про-рок Мухаммед случайно услышал их, моментально отправил бы в ад».

Из старинных книг он читал нам вслух о Юсуфе и Зулейхе, а также о Гали-батыре, о Салсалле... Но всё это он преподносил нам как сказки.

В семнадцатом году, оставшись сиротой, отец решил мир повидать и пошёл странствовать. И посуду мыл на пароходе, и плечом к плечу со сплавщиками леса поработал – одним словом, его биография в те годы была связана с Волгой. Когда бывал в приподнятом настроении, называл себя шутливо бурлаком. И мама, когда сердилась, восклицала: «Всю жизнь провела с этим бурлаком!» В ответ его глаза наливались ещё большей синевой, лучистой, светящейся улыбкой, и он говорил, дразня маму: «Я и сейчас Волгу могу переплыть». Видимо, Волга была его какой-то недопетой песней, её он часто вспоминал. Даже чулан нашего первого дома был сколочен из деревянных рёбер старой баржи.

Да, в характере отца было зимогорство, некий дух бродяжничества. Его не прельщало имущество, богатство. Лишь понукаемый матерью, он согласился вместо старого дома построить новый.

Отец появился в нашей деревне в 1924–25-х годах. То ли увязался за кем-то, то ли потянуло его на родину своего отца, нашего деда, который родом из этих краёв. В деревне, прознав, что он «парень грамотный», определили его в сельсовет секретарём. Каким он был секретарём, история умалчивает, но всё новое исходило от него. Односельчане велосипед впервые увидели у него. Когда появился детекторный радиоприёмник, весь любознательный деревенский люд шёл к нему и, прижимая к ушам своим наушники, слушал, что происходит на свете.

Поняв, что мой отец нужный для села парень, его женили. И дом для него построили. Но отец всё же уехал, прожив там совсем немного.

Тогдашняя жизнь отца мне почти не известна. Сам он о тех временах не

рассказывал, и мать помалкивала. Что ей рассказывать своим детям о первой жене их отца?! Кое-что, конечно, мне было известно от сельчан. Они вспоминали, что отец ушёл из того дома, даже спички с собою не прихватив. Подобному вспоминали, тепло. А причиной ухода было якобы лишь одно слово, брошенное той женщиной в адрес отца: «Нищий». Зачем она так сказала, ведь он работал секретарём сельсовета, и должность эта была в то время почётной?

Года два назад я встретил в соседней деревне первую жену отца. (Люди подсказали.) Несмотря на то что время взяло своё, она не потеряла стройности и красоты. Можно лишь представить себе, какой красавицей она была в молодости. Вот брось-ка такую всего лишь из-за одного слова!

Отец был спокойным человеком, но упрямым, принципиальным. Ничего не делал против своей совести. Во всяком случае, ни я, ни односельчане припомнить такого не можем. Тихий, но, как говорят, в тихом омуте черти водятся. Порой он всё-таки выходил из себя. Помоему, всего пару раз в жизни. Но каждый из этих случаев достоин отдельного описания.

В 37-м году, по навету односельчанки, шестнадцать человек вместе с моим отцом, который «лил воду на кулацкую мельницу», были арестованы. После двухдневного разбирательства, не выявив состава преступления, арестованных отпустили. А пока они находились под арестом, та женщина бегала по деревне и хвасталась: «Показала я им, где раки зимуют, сгниют они там, в каталажке». Когда отец с односельчанами вернулись, она не на шутку испугалась, прибежала к отцу в управление колхоза (он работал там счетоводом) и принялась заискивать, даже кокетничать, стараясь сгладить свою вину. Вот тогда-то наш спокойный, уравновешенный отец сорвался. Он начал метать и крушить – стол, стулья, окна... Даже умудрился дверь с петель одним рывком снять. Сбил металлическую решёт-

ку, огораживавшую канцелярию. Четверо мужиков, оказавшихся поблизости, не могли унять его. Но женщину ту он и мизинцем не тронул.

Вторая вспышка случилась, когда я был уже взрослым, учился в театральном училище в Москве. Как-то зимой отец с матерью сидели у окна и пили чай. Перед нашим домом раскинулся небольшой огороженный садик, где росли три яблони. В этот садик по сугробу, который был в уровень с забором, залезла соседская коза и стала поедать ветки утопавшей в снегу яблони. «Поди-ка, прогони эту нахалку», – сказала мать. Отец несколько раз выходил и прогонял козу. Но коза есть коза – она опять и опять возвращалась к яблоньке. Мать нагрубилась отцу, мол, даже с козой справиться не можешь. Отец швырнул чашку с чаем на пол и стремглав выбежал из дому. Животное, почувствовав, что на сей раз хозяин не будет милостив, бросилось по улице наутек. Отец за ней. Пробежал порядочно. Догнал. (В ту пору ему было шестьдесят восемь лет.) Догнал, перехватил поперёк, взвалил на себя, принёс домой, прямо туда, где чай пили, и бросил в ноги матери: «На, что хочешь, то и делай с ней!» Да, не любил отец коз. По его мнению, если дать козе три класса образования, то она вымотает всю душу своему хозяину.

Отец мой не был физически сильным человеком. Среднего роста, худощавого телосложения... Но любому терпению приходит конец. Перейдёшь какую-то невидимую границу – и любой спокойный, хилый мужичишка может натворить чёрт знает что.

Да, спокойным, даже, можно сказать, кротким человеком был мой отец. Он и мухи не мог обидеть, не то чтобы на кого-то руку поднять. Вернётся под хмельком, мать начинает ворчать, а он затянет песню: «Не ругай меня, Фатима, что денег мало принёс», и она смягчится: «Жалко слов тратить на этого бурлака!» А мы порой горячимся из-за ерунды, ругаемся с жёнами по пустякам, похлеще женщин словами трещим. У нас язык с рукой ходят впереди ума. У отца

наоборот было. Он сперва думал, всё взвешивал. И поэтому, наверное, умел сдерживаться.

Сохранилось в памяти одно довоенное событие. Лет пять мне было, что ли. Отец и ещё несколько человек сидели на бревне у забора. Я с мальчишками играл у речки. Они постарше были и начали меня подстрекать, что я, мол, ни за что не смогу обмазать лицо отца тиной, что вот тут, у нас под рукой. Я расхрабрился, взял в ладонь тины с грязью, подбежал к отцу и хлоп ему в лицо. Не успел я отскочить, как кто-то, сидевший с отцом рядом, поймал меня и хотел, видимо, поддать мне хорошенько, но отец остановил его: «Не трогай ребёнка. Коль старшие дети такие бестолковые, что с младших возмёмшь?» Многое с тех пор позабылось, а вот эти слова отца врезались в память. Потом мы с отцом пошли к речке и грязь с его лица вместе смыли. Надо почище, чтобы мать не заметила... Когда хоронили отца и положили его в могилу, я вспомнил тот случай и долго не мог остановить слёз.

Если мы творили что-то непотребное, отец пугал нас, что скажет матери. Обычно в семьях бывает наоборот – отцом пугают. У нас – нет. Отец признавал в матери хозяйку дома, хранительницу очага, он знал, что она умеет вести хозяйство, и доверил его ей, подчиняясь её требованиям и не теряя при этом собственного достоинства. Он поддерживал её и отбивал некоторые наши молодые наскоки.

Отец женился на матери в тридцатом году. Он был старше её на шесть лет. Она полюбила его, иначе не вышла бы за разведённого. Это только теперь мужики могут ходить в джигитах, разведясь с тремя-четырьмя жёнами. А тогда иначе было. К тому же моя мать была единственной, безмерно любимой дочерью моего дедушки, притом очень красивой. Весьма практичной, привлекательной девушке зажиточного деревенского человека не мог не понравиться молодой образованный человек с поэтической душой и неординарным взглядом на жизнь. Хоть мать и была

человеком, что называется, земным, в каком-то уголке её души всё-таки теплилось стремление к искусству, литературе.

В зрелые годы отец начал писать стихи. Мать стеснялась этого, видимо, считала поэзию чем-то очень высоким и священным. Через некоторое время стихи отца стала печатать районная газета. Чуть не плача, мама принялась уговаривать меня: «Скажи этому ненормальному, пусть не смешит людей. Уж на улице появляться неудобно. Зашла в магазин, а там спрашивают: «Прочла ли ты, Халиса-апа, что пишет Габдулла-абый?» Спрашивают и смеются.

Стихи, написанные отцом, конечно же, были далеки от совершенства. Впрочем, такого уровня стихи нет-нет да и встречаются на страницах известных газет и журналов. После того как он выслушал просьбу матери из моих уст, стихи его в газете появляться перестали. С моим мнением он считался. Я подумал, что он бросил сочинительство, но после его смерти в старых книгах обнаружили тетрадные листочки со стихами. Нет, не бросил стихи писать. До самой смерти сочинял, тайно от меня, пряча свой поэтический труд от матери.

Если б в своё время отец не свернул со своей дороги, возможно, стал бы человеком, успешно работающим в области литературы и искусства. Я говорю «со своей дороги», потому что он, хотя и отдал деревне несколько десятилетий, так и не стал в полном смысле слова деревенским человеком. Деревня осталась для него чужой. Хозяйства он не знал и не понимал. Не то чтобы не хотел понять, просто душа у него была другой. Скажем, что сложного, казалось бы, лошадь запрячь. А вот отец, сколько его ни учили, так и не смог овладеть этим деревенским «искусством». Когда ему предстояло куда-нибудь ехать, лошадь ему запрягала мама, да ещё наставляла, как потом накормить её, как освободить от поводов... Отец отвечал: «Ладно, ладно», садился в телегу и уезжал, но по возвращении оказывалось, что лошадь так и осталась ненакормлен-

ной, ненапоенной, и поводья как были завязаны матерью, так и оставались нетронутыми. Но зато оказывалось, что или подбрюшник у лошади развязан, или чека тележного колеса утеряна. Поэтому мой отец, хотя и был счетоводом колхоза, предпочитал ходить пешком. Смех и грех – топают счетовод со своим отчётом в райцентр на своих двоих! Понимающие председатели колхозов возили своих бухгалтеров в райцентр на лошади. Но ведь и непонимающих было немало.

Или вот такой пример. Однажды отец возле наших ворот с прутом в руке гонял корову. Мать сказала мне: «Выйди-ка, посмотри, что отец делает». Я вышел из дому, спрашиваю:

– Отец, что ты делаешь?

– Корову загоняю, – отвечает, – а она не заходит.

– А зачем загоняешь?

– Доить пора, мать велела привести.

– Так это ж не наша корова!

– Как не наша? Вот и белое пятно на брюхе, как мать говорила...

Мы от души посмеялись. Как житель деревни не знает своей коровы! Об овцах, гусях... я уж и не говорю. Да, отец мой не был деревенским человеком.

Стихией его были бумага, ручка да счётные костяшки. Со счётами он управлялся как умелый гармонист с гармонью: прибавлял, отнимал, умножал, делил, выводил проценты... Отчёты с его помощью наш колхоз сдавал первым, потом отца посылали помочь с отчётами в другие колхозы. Знал я многих бухгалтеров, утверждавших, что бухгалтерскому делу их Габдулла-абый научил.

На свете много честных людей. Но если скажу, что до такой степени честных, как мой отец, я не встречал, то не погрешу. Видимо, эта честь, эта честность были даны ему самой природой, были заложены в нём ещё в чреве матери.

Его единственной ошибкой, пожалуй, было то, что он оставил первую жену. Хотя кто знает, что у них там было. Что это за то ли обвинение, то ли оскорбление «нищий»? Быть может, она толкала

отца на поступок, который противоречил его совести, а он не послушался, не переступил свою нравственную черту?

На вопрос «Каким должен быть коммунист в идеале?» я отвечаю: «Как мой отец». Хотя он не был членом партии. Я спросил его: «Почему ты в партию не вступил?» Отец ответил: «Ленина стыжусь. Всё равно я не смогу быть таким, как он». Когда я сам вступал в компартию, он сказал мне: «Смотри, какую ношу взваливаешь на себя. Сможешь ли нести её?»

Я во всём стараюсь быть похожим на отца. Но, чувствую, не всегда получается. Обстоятельства, ухабы жизненного пути... Мало ли причин для оправдания!

Больших грехов за собою не знаю, мелкие, на уровне ошибок, бывали. Отец же, что касается чести и совести, не ошибался вовсе.

На войне отец был связистом. Была у него медаль «За отвагу». Бережно хранил он эту боевую награду. Но за что получил – не рассказывал. Когда я начинал допытываться, отвечал: «Всё равно не поймёшь. Понять это может лишь тот человек, который сам воевал». В конце войны его определили заведующим складом. Когда он вернулся с фронта, в солдатском вещмешке его было два куска сахара, два десятка сухарей и шматок шпика.

Помню, соседские мальчишки хвастались вещами, привезёнными отцами. Однажды мать высказала своё недовольство по этому поводу, на что он ответил: «Знаешь, я ведь на войне был, а не на базаре». После этого она таких разговоров больше не заводила.

В сорок шестом году мы голодали. Отец в колхозе бухгалтер, счетовод, а мы голодаем. Мать не знает, что делать.

Как-то она сказала отцу:

– Четыре года я берегла твоих сыновей, а теперь уж сам за ними смотри. – И добавила: – Люди даже не верят, когда видят, как я собираю крапиву, говорят, наверное, специально пыль в глаза пускаю, муж-то счетоводом в колхозе, а тут эта крапива...

Отец ответил:

– Нет же в амбаре муки, откуда ей взяться?

Мать напомнила ему об одном человеке, который, несмотря ни на что, жил сытно.

– Где же он её берёт, эту муку? Все же колхозные документы у меня, и по ним ни грамма муки нет.

Этот человек к нам захаживал, вразумлял отца, объяснял, что такое жизнь и как надо в ней вертеться.

– Ничего-то ты, Габдул, не понимаешь. Ты думаешь, что я ворую. Нет, ошибаешься. Что такое вор? Это человек, который не работает, а ест. А я днём и ночью бегаю, несмотря на свою хромоту. А если упаду, если все упадём, что колхоз будет делать? Ты хоть и учёный, Габдул, но такой уж недотёпа!

Но эти доводы не могли заставить отца свернуть с пути истинного.

Наконец мать не выдержала – послала моего старшего брата и меня в поле, где поспевала рожь, чтобы мы, обминая колосья, вышелушили зерно и принесли его домой. Опыт такого способа выживания у нас был, и мы в тот день от души «поработали». Когда зелёные зёрна ржи жарили на сковородке, вернулся отец.

– Откуда это? – спросил он.

– Не твоё дело, – ответила мать. – Иди продолжай щёлкать своими костяшками.

Отец ушёл. Вернулся домой, лишь когда мы закончили кушать жареную рожь.

Помню, как он сказал с обидой в голосе:

– Если они с этих пор начали заниматься воровством, то что будет потом, когда они станут взрослыми людьми?

Однажды к нам домой зашёл уполномоченный из района с председателем колхоза. Председатель вынул из кармана бутылку водки, поставил на стол.

– Ну-ка, сестра, организуй закуску, – сказал он матери.

– У нас ничего нет, – развела она руками, – дети вон голодают.

– Как это голодают?

Отца дома не было. И мать отвела

душу, рассказала, как мы живём. Уполномоченный, увидев меня, путающегося между ног, сказал:

– Пойдём-ка, – и вывел меня в чулан. Проверил там по полкам наши «сбережения». Вернувшись, дал «прикурить» председателю:

– Какой ты председатель, если одного своего счетовода накормить не можешь! Сейчас же, пока я вот здесь, пусть привезут сюда муки. Если нет в амбаре, пускай у тебя возьмут, я видел в твоём чулане два мешка.

Привезли муки. Мы все обрадовались. Лишь отец хмурился. Но возражать не мог, раз уполномоченный велел. Отец, как и другие колхозники, работал за трудодни. Он хорошо знал, что и сколько кому полагается, и ему было не по себе из-за несправедливого распоряжения уполномоченного.

В сорок восьмом году мальчишки, у которых были отцы, за учёбу в восьмом классе заплатили по сто пятьдесят рублей. На мою учёбу в нашей семье таких денег не было. Чуть было не пришлось оставить школу. Кое-как нашли потом эту сумму денег.

По природе отца трудно было назвать энергичным или напористым человеком. Никогда он за себя не выступал, не выпрашивал ничего для своих нужд. Гордый был. Терпел, если даже было невмоготу. Никогда ни на кого не доносил и даже людям, живущим не совсем честно, ничего не говорил, лишь переставал общаться с ними.

И сочинительство стихов в последние годы его жизни можно было бы, пожалуй, назвать разговором с самим собой. Стихи его сплошь состояли из наставлений: надо жить честно, мирно,

красиво и ни в коем случае не за счёт ближнего.

В последние годы отец стал в своём поведении довольно странным. От дома далеко не отходил. Читал написанные мною вещи, но мнения своего не высказывал. Быть может, они и не нравились ему, а сказать об этом считал неудобным. Но чувство уважения ко мне у него было большое. Даже мать одёргивал, когда она по какому-нибудь поводу сердилась на меня.

Сию вот теперь и думаю: «Если писать об отце, то как передать его образ? Кем он был в этой жизни?» Прихожу к мысли, что он должен был быть большим человеком, личностью с чистым сердцем и светлой головой. Но найти себя, реализовать свои природные задатки не смог. Впрочем, величие человека, его внутренняя сущность не по чинам определяется. Отец и без чинов был личностью. Но всё-таки он был человеком, способным оставить не только след в жизни, но и свой путь проторить. Не получилось. Видать, временами он и сам это чувствовал. Запомнилось его поучительное слово, которое он сказал мне, когда я был ещё юношей. Не знаю, по какому поводу, но отец подозвал меня, посадил перед собой и сказал: «Если даже вором будешь, не будь карманником, будь выше – банки грабь».

Этот образный совет я часто вспоминаю и стараюсь в жизни своей не мелочиться. Человека именно мелочность губит.

Вот такие, хотя и в эскизной форме, мои думы об отце. Они, мне кажется, не ограничатся этой очерковой зарисовкой. Так или иначе, отец будет проявляться, будет присутствовать в моих текстах.

*Перевёл с татарского
Ахат Мушинский*

